

Моск. комсомолец - 1993. - 28 сент.

НЕИСПРАВИМЫЙ РОСТРОПОВИЧ В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

ОПЯТЬ СПАСАЕТ ДЕМОКРАТИЮ

Все журналисты первым делом задавали ему один и тот же вопрос: случаен ли его приезд на родину именно в дни очередных российских потрясений. Будьте уверены, это закономерно, ведь ясно — Мстислав Ростропович несправим, только в этот раз он приехал, чтобы защищать демократию не с автоматом в руках, как в 91-м, а самым безобидным и в то же время могучим средством — музыкой. Свидетельством этого стал устроенный им в воскресенье на Красной площади грандиозный концерт в честь Петра Ильича Чайковского.

А за день до этого неугомонный маэстро сумел выкроить из своего до предела сжатого графика полчаса для «МК».

— Как настроение, Мстислав Леопольдович?

— У меня? Приподнятое, как всегда перед такими концертами и в силу происходящих здесь событий.

Я переполнен гордостью за свой народ, который не идет на провокации группы людей, чья главная задача — спровоцировать гражданскую войну. Слава Богу, их число несравнимо с тем, что я видел около Белого дома в 91-м году.

— Вокруг Белого дома собирались люди, мягко говоря, с не совсем высоким интеллектом, которые выйдут с позиции силы...

— Я с вами почти согласен. Есть люди, которых покоряет сила. Я это знаю по своей жизни. Если я вижу сильного человека, я невольно подпадаю под его ауру. Согласен — лица людей вокруг Белого дома действительно малоинтеллектуальные. Но кто-то ведь их организует, и именно с позиции силы.

Вот Борис Николаевич Ельцин — он не демонстрирует силу. Или генерал Грачев — ведь он не говорит, как Макашов: «Я их умою собственной кровью». Вы посмотрите, какие указы сочиняют в Белом доме — сопротивление им наказуемо вплоть до расстрела. Причем там было сказано так — с конфискацией имущества. Когда я это услышал, честное слово, рассмеялся вслух; ну уж меня-то не расстреляют, все мое имущество находится за границей. Им нет смысла меня стрелять.

— Вы часто вспоминаете 91-й год?

— Это были самые удивительные три дня в моей жизни, потому что я ехал на родину, не просто рискуя жизнью, а будучи почти уверенным, что жизнь будет отнята. Но в конечном счете лучше пожертвовать собой, чем видеть, как ты бездействовал, когда твою страну подвергли кошмару. Я никогда не забуду то

свое ликование, когда мне стало ясно, что коммунизм окончен навсегда. Такой был потрясающий момент.

— Оказывается, коммунизм очень живуч.

— Я уверен: коммунистическую идеологию нужно судить. И я считаю преступной деятельность суда, который судил коммунистов и до сих пор не смог вынести приговора этому чудовищу, погубившему 40 миллионов жизней. Вы посмотрите — в Чехословакии коммунизм наделал намного меньше зла, чем у нас, но мой друг Вацлав Гавел нашел в себе силы объявить его вне закона.

Нет, нашим не хватает 40 миллионов, надо еще. Ведь угрозы, которые исходят из бывшего Верховного Совета, — это угрозы 37-го года.

— Не парадокс ли, что они исходят именно от тех, с кем вы защищали свободу в 91-м?

— Да, и Хасбулатов, и Руцкой далеко ушли от тех идеалов. Это досадно. Вот Руцкой. Я его воспринимаю как прекрасного вояку и совершенно не верю, что он человек настолько интеллектуальной глубины, что мог бы стать президентом такой великой державы. Пока альтернативы Борису Николаевичу я не вижу, хотя признаю, что он совершил немало ошибок, и основная — та, что надо было делать выборы в Верховный Совет сразу после апрельского референдума.

— И те и другие выборы объявлены президентом. Что вы думаете о сроках?

— Конечно, президент должен переизбираться через какое-то время после парламентских выборов, иначе не будет ответственности власти или, другими словами, будет абсолютное безвластие.

— С вами на гастроли из США приехало много музыкантов. Как они реагируют на происходящие события?

— Мы увидели выступление президента буквально перед самым отъездом на аэродром в Вашингтоне. Ну, думаю, пол-

оркестра не придет: это все-таки музыканты, а не герои. Я для себя даже решил в таком случае попросить остаться дома и тех, кто все-таки собрался, и поехать один. Приезжаю на аэродром — и вижу, что все полны энтузиазма. И вы знаете — они приехали показать свою любовь к России через музыку русских композиторов. Мой оркестр — это моя вторая семья, и я был очень тронут, я горжусь их отношением к России.

— Вы выбрали для концерта на Красной площади финал кантаты Прокофьева «Александр Невский» и увертюру «1812 год» Чайковского. Это ведь не случайно?

— Оба произведения патристические, и они выводят на самую большую высоту русский дух, дух русского человека, который идет с добром. Мне кто-то сказал, что они о войне. Да, может быть, но о какой ее стороне? О той, которая освободила свой народ, а не об агрессорах, которые нападают. И я приехал сюда, чтобы через музыку еще раз убедить моих соотечественников, сколь велик наш народ. И кстати, сейчас народ своим спокойствием и отсутствием паники подтверждает свое величие и в конечном итоге свою веру в будущее.

Концовка нашего телефонного политико-музыкального разговора получилась смешной. В трубке раздался собачий лай, и Ростропович в свойственной ему манере поделился о своей таксе Веге: «Это моя собака-дочка. Она меня от хасбулатовцев охраняет. Ну, иди сюда, нахалка».

Сегодня маэстро уезжает из Москвы. Сначала в Нижний Новгород на Сахаровский фестиваль, а затем в Санкт-Петербург, где продолжатся гастроли его симфонического оркестра, с которым он работает последний сезон.

Марина ОВЦОВА.

Ростропович М.

28.09.93